
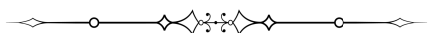

Посвящается Кристине Линдси, одному из самых добрых людей на этой планете. Она преждевременно покинула нас, пока я писала эту книгу. Мы вспоминаем тебя каждый раз, когда падает снежинка или мигает лампочка

*Не могу позволить вам испепелить меня, но
и сопротивляться вам невозможно.
Ни одна живая душа не способна, вступив
в огонь, не сгореть.*

А. С. Байетт

Глава первая

Наши дни

Рори

Моя жизнь заключена в красивый снежный шар. Тот, что давным-давно не доставали с пыльной полки и не встряхивали. Мирная и застывшая — со стороны моя ухоженная «швейцарская деревушка» идеальна. Так и есть. Почти. Похоже, к двадцати шести годам я добилась всего, чего хотела.

Идеальная работа.

Идеальная квартира.

Идеальный парень.

Идеальная ложь.

Ну в общем-то это не совсем ложь. Все мои свершения реальны. Я приложила для того все усилия. Проблема в том, что восемь лет назад я поклялась без раздумий всем пожертвовать, если снова с ним столкнусь. Но тогда я была совсем другим человеком.

Я ощущала потерянность. Переживала утрату. Пала духом. Запуталась.

Но что с того, если прошлое осталось в прошлом и сейчас я смотрю совсем не на него. Нет. Быть того не может.

Ни за что.

Почему тогда не удается оторвать взгляд от загадочного незнакомца, что плавной походкой вошел в банкетный зал отеля «Берчман» и привлек всеобщее внимание?

Разумянившиеся под неумолимым зимним ветром щеки, аристократичный квадратный подбородок, римский нос и губы, предназначенные для воплощения самых порочных грехов и еще более аморальных утех. Черные как смоль растрепанные волосы завиваются возле ушей, будто изрядно потрепанный плющ. Задумчивый взгляд раскосых глаз, крепкие плечи и узкие бедра — он не просто привлекателен, он идеален. Слишком идеален.

Я алчно желаю разглядеть в нем, как и во всех безжалостных сказочных принцах, признак бессмертия, отличие от рода людского. Доказательство того, что подобное совершенство невозможно.

Заостренные уши. Клыки. Хвост.

Господи боже мой, да хоть что-нибудь. Что угодно.

Он высокий, но не поэтому на него обращают такое пристальное внимание. Нет, Мэлаки Доэрти вызывает у людей восхищение, только это никак не связано с высоким ростом, модным прикидом или миллионами на банковском счету. Одно его существование вынуждает женщин падать ниц. Я уже это наблюдала. Наблюдаю и сейчас.

Все взгляды на этом балу прикованы к загадочному мужчине, включая мой.

Хватит, Рори. Это не он.

Вот бы только взглянуть ему в глаза. Только так я могла бы положить этому конец, убедиться, что это не он. Таких глаз ни у кого больше нет. Они редкого фиолетового оттенка, напоминающего измельченный леденец.

«Дефицит меланина в сочетании с отражающимся от кровеносных сосудов светом», — объяснил Мэл в ночь, когда одним движением лишил меня невинности, сердца и трусиков.

ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ ЧУДО

Я наблюдаю, как мужчина деловито проходит мимо охраны в ВИП-ложу, не обращая внимания на любопытные взгляды женщин, томно прикусывающих губы. Даже знаменитости кидаются ему на шею и пытаются завязать беседу, подстраиваясь под его небрежную походку. Крупный лысый вышибала отцепляет красную бархатную веревку, разделяющую смертных от небожителей.

Мужчина, который никак не может быть Мэлом, неторопливо подходит к бару, разглядывая что-то. То есть кого-то — магната звукозаписывающей компании Джеффа Райнера, на коленях которого расположилась подающая надежды звезда R&B-музыки Элис Кристенсен, известная как Элишес. Лицо сорокалетнего Джеффа красное от злоупотребления алкоголем и наркотиками.

Мужчина подходит, Райнер встает, а Элис соскальзывает с его колен, со шлепком упав на пол. Перешагнув через нее, он стремглав подлетает к таинственному человеку, с пафосом падает на колени и, выдернув из нагрудного кармана стопку денег, машет ею перед лицом незнакомца. Мужчина, который точно не Мэл, с безразличием ухмыляется, вырывает деньги из пальцев-сарделек Райнера и засовывает их в карман пальто. Попутно что-то говорит Райнеру, и тот спешно поднимается на ноги.

Эта сцена все ставит на свои места.

Мэл скорее бы умер, чем заключил сделку с акулой вроде моего босса. Устроил бы ритуал самосожжения, чем пришел на гламурную вечеринку. Выпил бы яд прямо из бутылки, чем связался с таким, как Джефф Райнер.

Мэл не равнодушный надменный позер. Он сам делает себе стрижку, дает пять незнакомцам и считает коричневый соус¹ лекарством от всех невзгод. Мэл презирует пышные мероприятия, развлекательные журналы, типичные звукозаписывающие компании и изысканные

¹ Традиционная британская приправа на основе финика.

блюда. Он обожает свою маму, веселится и пьет до упаду и пишет песни под бескрайним ночным небом, лежа у себя на заднем дворе. Он отказался от чека в шестнадцать тысяч баксов, который ему хотела всучить популярная поп-певица, чтобы купить одну из его песен, и здорово повеселился, когда ее озадаченный менеджер и агент пытались понять значение слова «нет».

«Но так было восемь лет назад, — посещает меня мысль. — И только на двадцать четыре часа».

Что я знаю о настоящем Мэлаки Дозэрти?

Что я вообще о нем знала?

— А вот и она.

Кэллам обвивает руками мою талию. На долю секунды меня застает врасплох этот аристократичный британский акцент, и от неожиданности я вздрагиваю.

— Красавица бала, — чувствую возле уха его холодные с улицы губы.

— Ты успел. — Я поворачиваюсь, обхватываю его шею руками и быстро, как будто прикладываю карточку учетного времени, чмокаю в губы. На Кэлламе светло-серый рабочий костюм.

— А могло быть иначе? — морщит он нос.

Никогда. Кэллам — самый пунктуальный и надежный мужчина, с которым я встречалась. Полная противоположность эксцентричному, необязательному Мэлу. Снова взглянув на своего парня, я вижу, что он не забыл повязать мой любимый галстук. Темно-зеленый с золотистыми полосками. Где-то через две недели после начала наших отношений мы были в магазине и я сказала, что галстук напоминает мне об Ирландии. Кэллам тут же его купил.

Я выдергиваю из сумочки фотоаппарат, подаренный им на день рождения, и делаю снимок богатого парня с пухлыми губами, который заглядывает мне в глаза в поисках одобрения.

ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ ЧУДО

Четыре года назад после окончания колледжа я стала подрабатывать на фрилансе фотографом в «Блю Хилл Рекордс». Они платили какой-то мизер, но «мизер» лучше обычного «ничего», которым меня награждали первые три года стажировки. Еще я подрабатываю барменом, чтобы хватало на аренду баснословно дорогой квартиры на Манхэттене.

Я сама выбрала жизнь банальной нищенки с Манхэттена. От умершего отца мне досталось наследство, но я не собираюсь к нему прикасаться. Такая мысль даже в голову мне не приходит. Будь моя воля, сожгла бы эти деньги, но тогда маму хватит удар, а я не хочу, чтобы ее смерть оказалась на моей совести.

Мне никогда не нужны были деньги. Я просто хотела общаться с отцом.

— Выглядишь великолепно, любовь моя. — Кэллам обхватывает мой подбородок большим пальцем и заставляет поднять голову.

Неужели правда? Мужчин вроде Кэллама обычно привлекают девушки другой породы. У меня бледная, почти болезненного вида кожа, большие зеленые глаза, густо обведенные подводкой, кольцо в носу и неувядающая любовь к панк-року, которая, наверное, немного не к лицу девушке зрелого возраста, приближающегося к двадцати семи годам.

Сейчас мои волосы выкрашены в платиновый блонд, но проглядывает золотисто-рыжий натуральный оттенок. «Как земляника на снегу», — говорит Кэллам, когда у меня отрастают корни. Я одета в платье в красно-белую полоску, ботинки, на шее чокер с шипами, а волосы повязаны в небрежный конский хвост. Проще говоря, я могла бы сойти за старомодного призрака, который попал к Спенсерам¹.

¹ Мультфильм «Мой друг — призрак», где один из героев — призрак музыканта Билли Джо.

Порой я подозреваю, что в первую очередь Кэллам запал на мой облик. На эту чудаковатую яркую обертку, которая подняла бы ему статус гораздо быстрее, чем обычная искусственная жenuшка.

«Вы только взгляните, какой Кэллам современный и прогрессивный со своей модной артистичной девушкой, хватающейся за любую серьезную работу. У нее натуральная грудь, и она не знается с продавщицами из «Нейман Маркус»¹.

— Я похожа на кого-то из актерского состава «Битлджуса», — смеюсь я, целуя его в шею. От его хриплого стона по телу пробегает дрожь.

Тыльной стороной кисти Кэллам убирает выбившийся из моей прически локон и прижимается губами к оголившемуся местечку на шее.

— А мне нравится «Битлджус».

Он ни разу не смотрел этот фильм. Кэллам признался еще на первом свидании, но поправлять его не к месту. Как будто я нарочно ищу проблемы в наших отношениях.

— А знаешь, кто еще мне нравится? — Кэллам наклоняется, чтобы еще раз поцеловать меня. — Ты в том колье от «Тиффани», что я тебе купил.

Ах да. То, что он подарил мне вместе с подобающим платьем, потому что я, конечно, классная, но рядом с его друзьями не всегда выгляжу так, как надо.

— Полегче, мне через пару месяцев исполнится двадцать семь. Не подавай идей, — подтруниваю я над ним. Слова кажутся пустыми, но я-то знаю, как ему приятно их слышать.

— Отец любит говорить: «Напугал шлюху членом». Знаешь, что это значит, Аврора Белль Дженкинс?

Вот такой он, мой парень — брокер с Уолл-стрит. С дипломами Итона и Оксфорда. Сквернослов с безупречными манерами.

¹ Американская сеть роскошных универмагов.

ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ ЧУДО

Мужчина, чья единственная вина заключается в том, что его одобряет моя мать.

Богатый. Влиятельный. Образованный.

Надежный. Добрый. Скучный.

Но мама не знает, что Кэллам мне нравится вопреки этим качествам, а не благодаря им. Прошло полгода, прежде чем я уступила его настойчивости, потому как знала, что он нравится матери, а то, что ей нравится, обычно фальшивое и пошлое.

Он обхаживал меня несколько месяцев. А потом вдруг появился в тот самый бар на первом этаже его дома, где я и работаю, и стукнул кулаком по барной стойке.

— Скажи, что мне сделать, чтобы ты стала моей, — небрежно пробормотал он тем вечером.

— Перестань выглядеть таким собранным и здраво-мыслящим, — невозмутимо заявила я. — В тебе есть все, что желает для меня мать. А моя мать всегда ошибается в своем выборе.

— Поэтому ты постоянно отказываешь? — Кэллам недоуменно нахмурился. — Я прихожу сюда каждый вечер, умоляя дать мне шанс, а ты не соглашаешься, потому что я, не дай бог, могу понравиться твоей матери?

Я пожала плечами и, протянув руку за очередным запотевшим стаканом, вытерла конденсат.

— Да я же полный отморозок. Меня отчислили с первого курса Оксфорда. С позором. И не потому, что плохо учился.

Я приподняла бровь, со скепсисом ему улыбнувшись. Этого мне мало.

Кэллам громко выдохнул, тряся руками так, будто готовился к марафону.

— Ладно, сейчас придумаю. У меня на заднице родимое пятно размером с кулак. Я до сих пор ем на завтрак глазированные хлопья. Каждый божий день. Тренер